

Андрей ТОРОПОВ

Андрей Торопов родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского госуниверситета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая юность», «Зарубежные записки», «Стороны света», «Вещь», «Spoke», «Пироскаф»; в «Литературной газете», газете «Поэтоград» и др. Автор четырех поэтических книг. Живет в Екатеринбурге. Работает преподавателем в вузах.

Что ты выбираешь – славу или счастье?
Потому что вместе получить нельзя.
Затаившись пешкой, пережить ненастья
Или выбрать гибель гордого ферзя?

Если выбрать славу, надо быть фальшивым,
Нравиться не этим, говорить не то.
Попадать под грязи, слухи и поливы,
Надевать от мира толстое пальто.

Если выбрать счастье, надо быть счастливым,
Никого не слушать, всем обалдевать.
И к цветущей груше, и к цветущей сливе
Прикасаться нежно, грядки поливать.

Неожиданный подарок –
Снег приходит ещё раз.
И, испытывая радость,
Мы на лыжи встанем щас.

Переехать через поле,
Занесённое опять.
Наши старческие боли
Утолить и отозвать.

Вот нечаянная радость –
Дополнительный пробег.
Отодвинем нашу старость
И запомним этот снег.

Молодой весны ребята,
В лыжных шапочках грачи.
Воротимся в наши хаты –
Кофе, яйца, куличи.

Наелись или не наелись
Прекрасных чувственных стихов,
Но мы еще не насмотрелись
Американских пирогов.

Когда же выйдет новый сиквел?
Что будет дальше со шпаной?
Что будет с нами дальше, стифлер,
Скажи, коллега дорогой?

Они стареют вместе с нами,
Встречаем вместе новый год.
Как будто мы попали сами
В страстей безумный хоровод.

Никаких пирожков не достанется,
Разобрали опять пирожки,
За бутылкою тянется пьяница,
Я давно не хочу в петушки.

А хоть горько мне было, но весело:
Забухать до нескладной строки,
Загулять на селе с красной плесенью
И на скорой умчать в петушки.

Только бог даровал возвращение
Из кальмарной больницы домой.
Счастье, дети, роман воскресение,
Если хочешь, добьешься с халвой.

Если хочешь, дождись воскресения,
И опять завезут пирожки,
Начиненные чистым терпением.
А не хочешь – езжай в петушки.

Лошади – белки наших глаз.
Тает, разливается бычье семя.
Я хотел остаться, но свет погас.
Я хотел уехать, но вышло время.

И монетка в воздухе без петли
Замерла – не падает, не взлетает.
Выбрать ли стабильность сырой земли

Или небеса, что манят, пугают?

Тело упадет, улетит душа.
Стих зависнет в воздухе без ответа.
Решка и орёл жалкого гроша.
Вечные слова мертвого поэта.

Блок, пеоны измученный,
Под землёй обрёл покой.
Золотится диск приученный,
Бесконечный и пустой.

На таком большом носителе
Можно многих сохранить.
Но бесчисленных просителей
Просят тихо уходить.

Список сам собой составит,
Миллиард погаснет искр.
Может, парочка останется
И запишется на диск.

Никольская, 15

1.
На все твои вопросы
Один ответ – петля.
Чтоб злые наши слезы
Припрятала земля.

Но ты идешь по миру,
Показываешь страх,
И горе, и помилуй
В протянутых стихах.

Дымок от сигареты,
Остаточный причал.
Плаксивые рефрены,
Избитая печаль.

Добавятся катрены
И зацветет миндаль:
Звонящие рефрены,
Хрустальная печаль.

Звонящие рефрены,
Хрустальная печаль.
Пробьют и наши смены

Бесчувственную сталь.

2.

Пишут, пишут из москвцы
откровенные глупцы:
герцены и огаревы
любят горы воробьевы,
оружейная палата,
ты ни в чем не виновата,
и на площади на красной
все мечтают о колбасной,
а в архангельском соборе
все мечты о беломоре,
ельцины и воробьевы
любят горы огаревы,
а на улице никольской
таракановое войско,
грановитая палата,
ты ни в чем не виновата.
Пишут, пишут из москвцы
Откровенные глупцы.

3.

Я слишком родину люблю,
Москву и прочие сусеки,
Воспоминания коплю
И гладиолусы дейнеки.

Одни смогли молчать и ждать,
Кричат другие, выезжая,
Я никого не осуждаю,
Себя могу лишь осуждать.

В театре снова гаснет свет,
В музее раздают картинки,
Одно и то же столько лет:
Дега и мокрые ботинки.

Не нужно быть эрнестом, друг,
Чтоб быть любимым и несчастным.
Но если мы живем напрасно,
Зачем мне нужен новый круг?

4.

Жил-был город Александров,
В честь поэта назван был.
Я с женой и Александром
Дивный город посетил.

Обошли кремля палаты
И цветаевский музей.
Съев хотдоги и донаты,

В путь отправились скорей.

Чтобы грозный царь, очнувшись,
Нам в погоню не послал
Взвод опричников бездушных,
И не бросил нас в подвал.

Старые люди, как желтые листья,
Те, что еще не опали с деревьев.
Новые люди – проныры и прихвостни,
С веток снимают красивые перья.

Солнце встает над ошипаным парком,
Но не поет безразличное солнце.
Бедным воронам не хочется каркать.
Молча сидят на ветвях за оконцем.

Жадно земля забирает подарки,
Пестрый ковер полежит до морозов.
Как-то держусь и не хочется каркать
Серой вороной на желтой березе.

Если не за что держаться,
Если незачем дышать,
Свет приходит попрощаться,
Начинает воскрешать.

Греет щеку и смеется,
Предлагает потерпеть.
Неужели жизнь дается,
Чтоб подсохнуть и сгореть?

Для замерзших и заблудших
Теплым светом приходить,
Чтоб чуть-чуть им стало лучше,
Чтоб чуть-чуть еще пожить.

Если сам не возгорится
Для страдающих от бед,
То нельзя за луч схватиться,
Чтобы вылезти на свет.

Верлибр 1 октября

Все-таки придется верлибром

Можно было бы отложить отбросить
Но сюжет привязался
По выходным примерно два года
Я водил дочку на тренировки
Мы вставали рано утром
Садись в трамвай
И выходили на остановке
Возле здания на стене которого
Был нарисован огромный мифический лось
Получеловеческий с бородой
В каких-то ассирийских узорах
Я сочинил на мотив советской песенки
Короткий гимн этому лосю
Вези меня октябрьский лось
В свою страну Лосинию
Вези меня октябрьский лось
Туда где небо синее
Вези меня вези октябрьский лось
И каждый раз когда мы проходили мимо него
Я пел этот гимн
Только лось становился ноябрьским
Декабрьским, январским, февральским
Весенним, июньским и т.д.
Потом дочка подросла
Стала ходить в другой спортклуб
А лося вовсе закрасили
Оставив только голую стену
Но я иногда вспоминаю наш гимн
И напеваю его себе и дочке
Она говорит, что лося больше нет
Но я отвечаю ей
Что он останется в наших сердцах
В конце можно было бы повторить текст гимна
Но не буду

Мы должны умирать, мы должны исчезать.
Надо каждой весной, надо каждой весной.
Снова снег заменять, снова грязь вытеснять
И зеленой травой, и зеленой листвой.

Непреложный закон, да суровый закон.
Но нельзя обойти, как его обойти.
Не кричи, мудозвон, я и сам мудозвон.
Не кричи, не мути. Хоть кричи, хоть мути.

Очень мудрая мысль, очень свежая мысль.
И каков я мудрец, очень мудрый мудрец.
Ухожу от вас в высь, в недоступную высь,
И хрустальный дворец, и алмазный венец.

Для чего написал, лучше бы не писал,
Пусть приемчик в строке и цезура в строке.
На работу шагал, бормотал и шагал
С рюкзачком налегке, со стишком в рюкзачке.